

2. Смысловая валентность

Само собой разумеется, что заимствованное из химии понятие валентности, для того чтобы найти для себя место в языкознании, должно было приобрести определенную специфику. Первый момент такой специфики мы находим в том, что языковая валентность есть прежде всего не химическая, не физическая, не механическая и вообще не естественно-научная валентность, но валентность чисто смысловая. В словаре О. С. Ахмановой термин «смысловой», как это естественно, производится от слова «смысл», но слово «смысл» получает здесь такое определение: смысл — это «то содержание (значение), которое слово (выражение, оборот речи и т. п.) получает в данном контексте употребления, в данной контекстной языковой ситуации» [6, с. 434]. В этом определении для нас сейчас важно не указание на речевой контекст, поскольку этот последний в своей новой функции уже затронут нами в определении термина «валентность». Но здесь важно другое, а именно указание на то, что смысл слова есть в конце концов его значение, а по поводу «значения» О. С. Ахманова в том же словаре пишет, что оно есть «отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется». «Это отображение действительности входит в структуру слова (морфемы и т. п.) в качестве его внутренней стороны (содержания), по отношению к которой звучание данной языковой единицы выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и сообщения его другим, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [6, с. 160—161].

С этими определениями О. С. Ахмановой можно вполне согласиться, может быть, только за одним исключением, а именно: язык отражает собою не просто действительность, но и какую угодно действительность, в том числе и предполагаемую, а иной раз даже и фиктивную, даже сознательно искаженную и без всяких оснований придуманную. Но то, что языковой смысл или языковое значение есть отражение действительности в сознании, с этим спорить никак невозможно. Если этот момент сознания мы упустим из виду, то язык, какая бы валентность ему ни была свойственна, перестанет быть языком. Ведь и всякая неодушевленная вещь тоже имеет свое значение, и это значение каждое мгновение меняется в зависимости от неисчислимого множества всякого рода обстоятельств. И тем не менее камень или дерево еще не есть язык или создание языка. Одушевленные существа тоже обладают разного рода валентностью, и валентность эта уже заложена в семени, как и валентность дерева и вообще растений в семенах и зернах. И тем не менее и одушевленные и неодушевленные предметы существовали на земле еще до человека, еще до его сознания. Человеческое сознание или, попросту говоря, человек — вот та специфика, которая делает валентность языковедческой категорией. В этом смысле мы и говорим не просто о валентности, но о смысловой валентности.

Здесь необходимо отметить то обстоятельство, что и об отражении, и о смысловом отражении мы уже говорили в нашей прежней статье [см. 1], которая была посвящена аксиоматике знаковой теории, но которая имела своей целью сформулировать не специфические свойства языкового знака, но свойства его как знака вообще. Там мы формулировали аксиомы как общей, так и специальной информации, без которой невозможен никакой знак, и в этом отношении всякий знак — и языковой и неязыковой понимался нами как смысловое отражение той или иной предметности. Но мы там не вскрывали того смыслового отражения, которое характерно именно для языка. Конечно, всякий знак что-нибудь значит, и всякий знак имеет тот или иной смысл. Однако в настоящем месте нашего иссле-